

Катарина Лебедева

Шесть дней до счастья

12+

Катарина Лебедева
Шесть дней до счастья

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Лебедева К. Д.

Шесть дней до счастья / К. Д. Лебедева — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Если ты тонешь, а вокруг никого, что будешь делать? Звать на помощь или пытаться спастись? Спасение утопающих дело рук самих утопающих. Найди того, кто тонет тоже, погрузитесь вместе на дно, а потом взлетите.

День 1

Утро было туманное. За окном ничего не было видно. Кроме веток сосны, которые упирались в самое стекло. Я проснулся с диким чувством голода.

Казалось, я не ел больше суток, хотя я точно помню, что поужинал плотно. Как всегда, видимо я снова лунатил. Не могу понять, как тело, находясь на расстоянии в триста восемьдесят четыре тысячи километров, может влиять на меня. Но факт остаётся фактом, пусть я и не особо верю в него. В последнее время я всё чаще брожу по ночам. Об этом свидетельствуют тёмные круги под глазами, и моя вечная усталость. Сначала меня останавливала закрытая входная дверь, но вскоре я начал оставлять грязные следы на паркете. И в этом нет ничего весёлого. Я посмотрел на фотографию, висящую справа на стене моей комнаты. Оттуда на меня глядели четверо. Мама – светловолосая, голубоглазая, с ямочками на щеках, папа – загорелый, темноволосый, зеленоглазый, и два мальчугана не похожие ни на одного из родителей, но как две капли воды похожие друг на друга.

Да-да, у меня был брат близнец. Почему был? Да потому что он пропал год назад. Почему я так спокойно об этом говорю? Потому что я не верю в его ... ну, вы поняли.

Может я чувствую. Говорят, же, что у близнецов связь там какая-то. Логично, мы же братья.

Утром семнадцатого августа он ушел на пробежку и не вернулся.

Первое время я ждал его на нашем месте. В любую погоду. Но простояв час под ледяным дождем или ветром, я возвращался домой мокрый, замерзший и никогда счастливый. Меня пытались гипнотизировать, но оказалось я не восприимчив к гипнозу, меня допрашивали детективы или как их там называют, и было ещё много всего, о чём мне не хочется вспоминать, ведь ничто из этого не вернуло мне брата.

Я до сих пор виню себя в том, что он исчез. Что если бы я не болел тогда, а, как обычно, вышел на пробежку вместе с ним? И он был бы сейчас дома, и мы как всегда спорили бы о том, куда пойти после занятий или из-за бесконечной путаницы, подшучивали в очередной раз над учителями и друзьями. Может, стоит винить грипп? А, впрочем, не важно. Но, именно тогда я начал ходить во сне. И теперь, когда моя жизнь разделилась на «до» и «после», мне тяжело вспоминать то время, когда я был целым и счастливым.

У меня долго получалось скрывать от родителей этот удручающий факт. (Долго, конечно, понятие относительное. Точный срок – два месяца.) Но я скрывал бы его ещё дольше, если бы не начал забредать настолько далеко от дома, что однажды утром проснулся под деревом и был вынужден идти босиком через лес, прилегающий к дому. Тогда-то мне не удалось скрыться от маминых глаз. И масса новых анализов, докторов и прочих «доброжелателей», внедрилась в мою, и без того весёлую, жизнь.

Сегодня семнадцатое августа – прошёл ровно год. Год без него. Целый год. Всего лишь год?

Я сделал глубокий вдох и выдохнул так, как выдыхают люди, разочаровавшиеся в жизни. Может быть. Подобрал одеяло с пола, я заметил ещё одно напоминание о моих ночных похождениях. Мои руки были покрыты засохшей грязью, а под ногтями виднелся песок, странного белого цвета. Ноги были примерно в таком же состоянии. Медленно поднимаясь с постели, я чувствовал боль в мышцах, за год уже ставшую привычной. Я сделал последнее усилие, и, наконец, добрался до ванной. Душ был моим вечным спасителем. Я вообще его утром чаще принимаю, иначе смысла нет...

Я смывал эту ночь, и мог забыть о ней, до наступления следующей.

Горячие капли барабанили по телу, а я смотрел, как вода утекает в слив и уносит меня куда-то вместе с песком. Все мысли закрутились вокруг меня и испарились. Я снова остался один.

Лишь одиночество никогда не покидало меня, либо у него не было выбора, либо я его любимчик.

Пустота окружила меня, её не теснила вода, стекающая с моих плеч, она шептала свои насмешливые стишки, и зазывала к себе. Но куда ведёт пустота? И как возможно её существование? Я боролся с ней мокрыми руками, но чувствовал, что это не равный бой.

И если снаружи была пустота, то внутри готовился ядерный взрыв и свинцовые стены удержат этот яд, но убьют всё живое. Сегодня было не самое лучшее моё утро. Одно из тех, когда я возвращался в свою любимую депрессивную кому. И всё потому, что мне надоело жить, не отвечая за своё тело.

Интересно, как далеко я могу зайти, и не будет ли это для меня однажды последней прогулкой?

Я выключил горячую воду. Обжигающая волна разошлась по коже. Холодно, да плевать, я хоть немного отвлекся. Когда твой мозг отвлекается на такие физические явления, как, например, холод, тебе ничего больше не остаётся, кроме как думать об этом явлении.

Я выключил второй кран и опёрся рукой о холодный кафель.

Пока с меня стекала вода, я понял, что с этим нужно что-то делать. Что именно, и с чем – с этим, я не имел понятия, но сейчас это было не главное. Мне нужно занять чем-то свою голову. Глупая луна. Как ты можешь, так поступать с людьми? Тебе наверняка плевать на мои скитанья под тобой или тебе даже нравится это? У тебя есть время подумать над своим поведением, пока я ищу способ избавиться от тебя. Между тем, занятый мыслями о своём спасении или уничтожении, я совершенно забыл о голоде. Но после бодрящего душа, он врезался в мой живот с двойной силой.

На часах было девять. Я решил, что пострадать и поплакать в подушку, можно и после завтрака. Всё-таки я ещё жив, хоть и устал мертвецки.

Тогда, не долго думая, я высунул из душевой кабины одну ногу и поставил на резиновый коврик с таким же ворсом. Моя нога мгновенно покрылась мурашками и волосы по всему телу встали дыбом.

Брр. Я встряхнулся, и встал на коврик целиком, разбрызгивая воду по всей ванной. Мне на секунду показалось, что этот день всё же можно исправить, но только на секунду. Я сделал ещё один шаг с коврика на голый кафель, и кафельный узор стен, пролетел перед моими глазами, а полотенце, за которым я тянулся, пропало из виду. В глазах замелькали звезды, и я сомкнул веки в надежде на избавление.

Поскользнулся на воде, которую сам и разбрызгал. Прекрасно. Теперь-то некого винить.

Прошла пара секунд прежде чем я понял, насколько сильно стукнулся головой. С трудом поднявшись, я уставился в запотевшее зеркало, облокотился о раковину, и рукой, которой до этого держался за голову, протёр испарину. Вниз по стеклу побежали бледно-красные струйки воды, смешанные с кровью. Не только рука и зеркало побагровели, но и пол, в том месте, где приземлилась моя голова, и, собственно, моя голова.

Решив сегодня не вытираться, я с презрением глядя на полотенце, выскочил в комнату, шлёпая мокрыми лапами по полу. Именно лапами, потому что лапу, сорок пятого размера, нельзя назвать «маленькой ножкой», да, и вообще ножкой. Решительно могу сказать, что ростом я пошёл в отца. Метр восемьдесят восемь сантиметров. При том, что папа на шесть сантиметров ниже меня. Вот такой я, какой есть, другим не стану. Потому падение с высоты

собственного роста для меня – достаточно болезненно. А в остальном, я, как все семнадцати летние парни.

Русые, слегка кудрявые, волосы, глаза цвета болотной зелени, обычная прическа, точнее её обычное отсутствие – пряди раскиданы по макушке и скрывают уши почти всегда. Фигура? В этом я уж точно не разбираюсь. Я худее и выше, чем мои сверстники, не скажу, что бодибилдер, но моих мышц мне хватает чтобы сдать зачет по физкультуре на отлично, и подрабатывать по выходным у одной милой бабульки, которая печёт отличные пироги.

Мне не то чтобы очень нравится с кем-то общаться, но деньги за работу в саду, на крыше, в подвале и т.д., она платит приличные, всегда было любопытно, откуда она их берёт, не из пенсии же.

Размышляя про старушкину пенсию, я уже одетый в то, что первое попало под руку, а попались мне черная футболка и шорты, спустился по лестнице. Выбрав первой целью аптечку, я открыл шкафчик над микроволновкой, и достал оттуда заветную коробку. Сначала, с помощью ваты и йода, обеззаразил рану, а потом наклеил на волосы, бесполезный в моём случае, пластырь.

По ощущениям, рана небольшая, и к тому же, я умираю с голода.

Открыв холодильник, я заметил, ну, как заметил, записка стояла прямо на куске бекона, на таком жирном, копченном мясе, с прослойками сала. Можно пожарить яйца с луком и с... Так, стоп, записка! Я сглотнул слюну и прочёл надпись.

«Сынок, мы сегодня будем поздно, у нас дела в городе. Суп на плите, если хочешь, приготовь что-то сам. Мама»

Да, мило. Что тут скажешь? Как будто они обычно рано приходят? Минимум в семь, и с утра никогда их не вижу. Не представляю, во сколько нужно встать, чтобы быть на работе, до которой час езды, в восемь утра. Я с тоской поглядел на записку, скомкал её, кинул в мусорку, но промазал.

Из моей груди вырвался саркастический смешок. Чего ещё стоило ожидать после падения в ванной? Разве что катастрофы, которая затронет лишь меня.

Наконец, я пожарил четыре яйца с луком и беконом, и запив еду остывшим кофе из кофейника, поспешил смывать следы преступления за злосчастным полотенцем.

Мои родители любят меня, я знаю, но они закрылись в своей работе после семнадцатого августа прошлого года. Постепенно, они начали приходить позже, уезжать в командировки, и всё чаще я оставался один. Совершенно. Как сегодня. Может я виноват, ведь мне тоже пришлось от всех отгородиться, чтобы пережить этот год. Есть один плюс, мы не свихнулись хоть и отдалились друг от друга. Изображать, что всё хорошо – это не всё равно, что быть счастливыми, но такой расклад лучше, чем если бы мы сидели вечерами вместе и лили слёзы над старым альбом с фотографиями.

А так, мы продали старый дом вместе со всеми «ненужными» воспоминаниями, и для меня непонятно на какие деньги, купили новый, просторный, но неудобный, если честно. Мама, в свободное время, постоянно убирается и готовит, а папа, запирается в кабинете и «занимается важными делами».

Нет, я не пробирался в кабинет, не узнавал, что он там делает, и тем более, не спрашивал его об этом. Меня-то они тоже не спрашивают, чем я занят пока их нет, и зачем мне деньги. Почему так, я не знаю, но и разрушать хрупкое равновесие не планирую. Пока.

Я вытер зеркало насухо и оценил взглядом проделанную работу. Потом, раз уже начал уборку, прошелся по комнате и; протер подоконник, вытер пыль с книжного шкафа, поставил

книги на место, сложил в стопку разбросанные по столу листы, собрал пролетевшие мимо мусорного ведра бумажки, и замер глядя на ту самую фотографию в деревянной рамке.

И что дальше? Я просто вытру её от пыли и повешу на место? Или сяду на кровать и предамся обрывочным воспоминаниям счастья? Я выбрал третий вариант. Отвернулся и пошел прочь из комнаты, и так уже чистой. В конце концов это моя комната, хочу, вытираю единственную фотографию, висящую на стене, хочу, не вытираю. Хочу, ударяюсь головой о кафель, а хочу, иду на улицу и растворяюсь в тумане.

Нет, я не пошел на улицу, в первую очередь потому, что идти мне некуда, а ещё потому, что туман почти рассеялся и уйти эффектно не удастся. Хотя кого это интересует?

Я развалился на диване и уставился в панорамное окно, выходящее на смешанный лес.

Тот самый лес, в котором я, по-видимому, гуляю ночью. Опустив голову на подлокотник, я подскочил от резкой боли, а моя рука машинально потянулась к пластырю на голове. Вернув конечность в исходное положение, я обнаружил кровь на пальцах, в глазах у меня резко потемнело, и мир вокруг заплесал. Моё сознание меня покинуло, наступила тьма.

Вокруг нашего дома всегда было спокойно. Пара заброшенных дач, и та самая богачка-бабуля, у которой я подрабатываю. Богачка живет в доме, оставленном ей кем-то в наследство, по крайней мере, она так говорит. Дом этот сложен из красного кирпича – красивый и добротный, к нему ведёт аллея молодых лип. Находится он в пятнадцати минутах ходьбы от моего домишки, одна сторона которого примыкает к лесу, другая к болотистой поляне – оттуда и туман. Единственная дорога с одной стороны упирается в дом богачки, а поехав в противоположную, можно попасть в город, примерно через час, и оказаться у моря через четыре.

Всего-то. Четыре часа, и ты попадаешь в край песка, туманов и солёной пены. Но, не так уж всё и замечательно. Море это – ледяное в любое время года, и купаются в нем лишь отчаянные люди или туристы, заплатившие большие деньги за отдых, и желающие использовать своё положение по максимуму.

Мои родители при переезде решили, что лучше уж я буду бродить по лесу, чем по опасным городским улицам, потому мы и живем в таком отдалённом уголке. Здесь никогда ничего не происходит. Можно спокойно сходить с ума.

Я не сумасшедший, кажется. Но кто может об этом судить? Все мы на чем-то повернуты. Кто-то больше, кто-то меньше.

Каждый раз, когда я слышу слова; сумасшедший, сошел с ума, сумасшедший дом, меня охватывает дикое чувство одиночества. Они одиноки в своем мире, не могут найти того, кто смотрит на мир с их точки зрения. А мы... а мы думаем, что они больны, но это не так, они здоровее нас в разы. Это мы, а не они, не можем принять чужой мир, это мы, а не они, запираем людей в матрасные стены, потому как не можем сосуществовать с ними, это мы изолированы от них, а не наоборот. И, кто сказал, что плохо быть психом? Явно не те, кого так называют. Они смирились с их положением, а мы не можем, потому что сами больны. Никто никогда не признается в том, что он свихнулся, такова человеческая натура. Вы же не станете отрицать, что современное общество полнится психами?

Эти люди, гуляющие на свободе, гораздо опаснее, чем те, что заперты.

Если раньше я и любил людей, в виде моего брата и семьи, то теперь разочарован в человечестве в целом. Повзрослел ли я, сошел ли с ума, не знаю, но теперь к некоторым вещам отношусь иначе.

Так я размышлял лёжа в отключке, на диване, и истекая кровью прямо на светлую обшивку под моей головой. Сначала я ничего не чувствовал. Как будто плавал в тумане слов и мыслей, связанных с сумасшедшими и не связных между собой. Потом я вспомнил, что лежу на диване в своей гостиной и... кажется, умираю. В голове зашумело, боль в затылке заставила

меня открыть глаза, что я сделал с большим усилием, веки, будто налитые свинцом, а голова словно звонящий колокол, тянули назад в забытие.

Я уперся локтем в спинку, поднял голову и всё моё былое состояние, как рукой сняло. Прямо надо мной, склонившись, с мокрым полотенцем в руке, стояла девушка.

Я в эту секунду, а может и минуту или больше, перестал быть собой. У меня никогда не было проблем с противоположным полом, но сейчас... Сейчас я сидел без движения и молчаливо изучал незнакомку.

Я умер? А ты ангел? Странно, надеюсь это рай, потому что, только ангел может быть таким красивым, стоя посреди моей гостиной, – подумал я, но сказал другое:

–Кто ты? И что ты забыла у меня дома?

Девушка попятилась, но не от испуга.

–Знаешь, парни обычно не так реагируют на девушек, которые за ними ухаживают. Мог бы быть и повежливее, я можно сказать твой ангел хранитель, если бы не я, ты бы уже отправился к своему братцу, – произнесла незнакомка и скрестила руки на груди.

Я всматривался в её лицо, пытаюсь понять, что именно в ней заставляет меня терять дар речи, и не найдя для себя приемлемого ответа, решил, что головой я всё-таки ударился прилично.

Сам не знаю почему, но меня ни капли не задела её слова, сказанные с ноткой ненависти. Я вдруг посмотрел на это со стороны. Горечь, может ненадолго, но отступила.

Она же, поняв, что я не в состоянии соображать, повернула меня, взяв за плечи, и начала возить полотенцем по запекшейся на волосах крови. Пластырь скорее всего отвалился прохлада от смоченной водой тряпочки отозвалась болью в ране, но я не подал виду.

Я и в правду подумал, что умер, но покосившись на спинку дивана, с расходящимся по обшивке здоровенным пятном крови, понял, что жив, но не очень здоров.

Распросы в данный момент мне показались не уместными, и я переключился на окружающую обстановку.

Солнце светило уже под острым углом, я долго пролежал без сознания. На часах...

–Ты, думаешь о том, кто я, и зачем здесь? – заговорила она, всё ещё колдуя над раной, – меня попросили присмотреть за тобой.

Не угадала.

–Кто? Зачем? – перебил я.

–Твои родители, конечно, кто же ещё. Они поехали в командировку, разве не знаешь?

–В каком смысле – «в командировку». Нет, не знаю.

Я не слишком удивился. Сегодня сумасшедший день.

–Возможно, они решили, что лучше тебя поставить перед фактом. Не знаю, но пока что я буду за тобой присматривать.

Немного корректируем планы: слетать с катушек будем коллективно.

–А, кто ты моим родителям?

–В принципе – никто. Твои и мои папа и мама работают вместе, иногда общаются вне работы, и они решили, что я смогу побыть для тебя сиделкой, или, как говорит мой отец «подышать свежим воздухом». Так им будет спокойнее всё время их пребывания, кстати, они не сказали, где. Сели вчетвером в машину и укатили. Якобы «в срочную командировку». У меня есть подозрение, что это не так.

Значит мы на одной стороне.

–Почему меня никто не спросил?!

Я уже начинал закипать.

–Я от этого тоже не в восторге, знаешь ли!

Боль молнией промчалась от головы к позвоночнику. Я вскрикнул:

–Ау! Больно!

–Извини, я не хотела.

–Ничего, всё нормально. Так ты остаёшься здесь? Надолго?

–Как только твоя семья вернётся, меня здесь не будет. Я могу спать в машине, если ты против моего присутствия.

Ты водишь машину? Сколько же тебе лет?

–С чего ты взяла, что я против твоего присутствия?

Я спиной почувствовал, как девушка улыбнулась.

–Я прижгу рану, потерпи.

На этот раз я был готов к боли, и к тому же я почувствовал легкий ветерок на затылке – она подула на рану.

–Спасибо, – сказал я, – ты и вправду спасла меня.

Она усмехнулась.

–Голова не кружится? Не тошнит?

Я повернулся к ней.

–Нет.

–Жить будешь. А кто тебя так?

–Полотенце. Я поскользнулся в ванной, – пришлось пояснить мне, так как её лицо вытянулось от непонимания, – потянулся за полотенцем и упал на кафель.

–Больно?

–Теперь нет. Я улыбнулся, потому что действительно почувствовал себя лучше.

–Ты не обижаешься из-за того, что я сказала про брата? Мне немного стыдно.

–Нет. Забудь.

Молчание, наступившее за этими словами, не было не ловким, по крайней мере для меня. Я вспомнил своё отражение в запотевшем зеркале этим утром, я вспомнил свои непослушные волосы, далёкие грустные глаза, с мешками под ними, острые скулы, смех, голос – я вспомнил Кристиана...

И мне стало легче. Впервые за долгое время, я почувствовал, что могу отпустить это. Давно никто не говорил со мной о брате прямо и без прикрас. Гора наконец рухнула с плеч.

–Как тебя говоришь, зовут?

–Тея. А ты – Натан? Так?

–Так.

–Есть хочешь?

–Хочу.

Только я это сказал, в животе жутко заурчало.

–Я что-нибудь приготовлю. Ты лучше побудь здесь, и постарайся не упасть в обморок.

Мне уже начинает это нравиться. Если родители позаботились о том, что я не умру от голода – таким образом, я вовсе на них не в обиде. Галатея хозяйничает у меня на кухне, а я сижу и наслаждаюсь этим новым чувством.

Но наслаждался я не долго.

В моей голове не кстати возник вопрос: Почему сегодня?

В году триста шестьдесят пять дней, и именно сегодня моя семья покинула меня без предупреждения, именно сегодня они отправили за мной присматривать Тею, именно в этот день я понял, что беспомощен и одинок. Почему ты выбрал семнадцатое августа? Что такого особенного в этом дне? Я должен понять.

За последний час мы обмолвились парой фраз типа:

«-Где дуршлаг?

–В шкафчике, справа над мойкой» и тому подобное.

С кухни уже начал доноситься манящий запах еды, и я попробовал встать с дивана. Мне удалось подняться на ноги, но когда я сделал шаг, моя голова закружилась так, что мне пришлось ухватиться за что-то. Точнее за кого-то. Это была Тея. Она схватила меня за руку и молча усадила назад на диван.

–Я принесу. Садись.

Она выскользнула из комнаты так быстро, что мне не удалось её поблагодарить.

Я бездумно уставился на кровавое пятно. Вскоре, на столике передо мной, материализовалась тарелка. Макароны и соус с фаршем. Не с мясом, а с фаршем. Мясом эту соевую мешанину называть нельзя.

Поднеся вилку к лицу я подул на неё и проглотил макаронку. Не поверив, я съел ещё одну и ещё. В итоге, проглотил, почти не жуя, всё содержимое тарелки. Вкусно! Это точно не рай?

Она ещё не закончила трапезу и увлеченно возила макарониной по остаткам соуса на тарелке, не замечая меня. Я воспользовался шансом и осмотрел новую знакомую.

Её голубые глаза были сосредоточены, русые, с оттенком бронзы волосы, она убрала в хвост. В белом платье в цветочек, её действительно можно принять за ангела.

Тея подняла на меня глаза.

–Чай будешь?

–Да, спасибо. Ты очень вкусно готовишь!

Молодец! Ты сделал это. Так держать! Она улыбнулась.

–Я пью зелёный без сахара, а ты?

–И я.

Она вышла.

Я вообще не пью чай. Но мне думается, что я не в том положении, чтобы капризничать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.